

ИВАН-ДА-МАРЬЯ

Дом кругом изукрашен резьбою,
ни износу ему, ни избою.
В этом доме с калиткой-скрипухой
жил старик со своею старухой.
Шел народ чуть не толпами к деду,
собирателю трав, травоведу.
— Здравствуй, дед!
Не сослужишь ли службу?
Мне бы с Марьей увидеться нужно,
да чего-то не ладится дружба.
Только, дед, между нами...
— Чего там,
вот тебе марьян цвет с приворотом,
ей его и подкинешь к воротам...—
Вновь калитка скрипит по-комарьи,
это в дом заявляется Марья:
— Дед, спаси меня,
сохну и вяну,—
не давай меня сватать Ивану...—
Молвит дед, ошибиться не чая:
— Вот тебе семена иван-чая.
Если видеть Ивана не любо,
ты развей их по ветру, голуба...—
Стариковский совет не безделка,—
все исполнили парень и девка.
Долго спорили тайные силы,
только вышло, как Марья просила...
Возле просеки пусто и глухо.
Умер дед, умерла и старуха.
Бревна тоже осилила старость,—
и от дома следов не осталось.
Но тому, кто приходит на место,

где терзались жених и невеста,
может долго рассказывать берег
о любовной двойной ворожке их.
Там, где с чарою чара боролась,
не дремотный расцвел гладиолус,
и не влажно-сиреневый прис
над болотную копанью вырос.
На кусте, на одной половине
все цветы по-небесному сини,
на другой стороне небывало
все цветы по-чудесному алы.
С давних пор в сине-розовой паре
людям видится девка и парень.
И цветы над болотною хмарью
носят имя «Ивана-да-Марьи».